

УДК 82.0
ББК 83.3 (2=Рус)
С 79

Т.М. Степанова, М.А. Алентьева

О мифологической составляющей фольклора и литературы

Аннотация:

В тотально атеистический советский период увлечение мифологической доминантой фольклора не приветствовалось. Однако само это явление невозможно было устранить из духовной, культурной, художественной сферы, Поэтому оно, несомненно, существовало и в официально допущенной советской литературе именно на уровне художественных архетипов, зачастую «ассимилируясь» и нивелируясь другими формами фольклоризма.

Ключевые слова:

Миф, гносеологическая парадоксальность, надэпохальная универсалия, архетип, внерациональность, несказочная проза, легенды, предания, былички, рассказ, рассказывание, сказание.

Имевшая место в советском литературоведении, искусствоведении и культурологии недооценка мифологизма существенно сужала потенциал осмысления многих художественных явлений, обедняла их смысл. По этой причине необходимо обратить внимание на некоторые вопросы теории и истории истолкования концепта мифологизм. В советский период понятие *мифы* по-преимуществу обозначало ряд жанров фольклора, принадлежащих к так называемой *несказочной прозе* (*легенды, предания, былички*). Слово «миф» восходит к др.-гр. *mythos* – рассказ, рассказывание, сказание,; его латинский аналог – *fabula* (повествование, басня). Подобным же образом и при акценте на вымышленности рассказанного определен миф в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: это область баснословного, небывалого, сказочного; мифология определяется как баснословие.

В Новое время миф как часть фольклора стал пониматься и иначе: не как любой вымысел, облеченный в рассказ, а как достояние исторически далеких эпох, как «древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле» [1]. И, наконец, на протяжении последнего столетия актуализировалось и внедрилось в научно-гуманитарную сферу третье значение слова «миф» [2]. В соответствии с ним мифология мыслится как надэпохальная, трансторическая, бытующая в жизни народов на протяжении всей их истории форма общественного сознания, которая связана с особым родом мышления. Мифология в таком ее понимании – это одна из констант жизни человечества, феномен, наличествующий всегда и везде. Имея в виду данное значение слова «миф», ученые имеют все основания говорить о всемирно-историческом мифологическом процессе.

Обозначим основные свойства мифологии как формы общественного сознания. Во-первых, предмет мифа обладает общезначимостью, имеет касательство к фундаментальным началам бытия: природе как целому, жизни племен, народов, человечества, вселенной. В мифах особенно важна логическая оппозиция «хаос – порядок (космос)». Мифология (вплоть до Ницшевой переоценки всех ценностей) придерживалась

классической картины мира, возвышая все то, что служит упорядочению бытия, предпочитая космос хаосу.

Во-вторых, смысл мифа (выражаемая им концепция, идея) переживается теми, для кого он существует, как нечто непререкаемое, истинное, не подлежащее сомнению и аналитическому рассмотрению. Мифологические представления, утверждал Шеллинг, разумеются «как истина, и при том как вся, как полная истина»; они «не допускают сомнения в своей истинности» [3]. Мифология по сути внерациональна (хотя и может иметь логически упорядоченную форму): критичное к себе мифы не терпят. По словам авторитетного ученого, мир мифа это «абсолютная реальность», и из анализа он выходит уже радикально демифологизированным» [4]. Миф как таковой требует полного доверия к себе. Иначе говоря, миф «гносеологически парадоксален: он опознается в качестве мифа лишь со стороны, извне причастного ему сознания. Для тех же, кто приемлет миф, он существует в качестве полной и самодостаточной истины, не как миф» [5].

В-третьих, форма мифа (в отличие от формы произведения искусства), – по мнению Е. Хализева, – является гибкой, податливой, свободно меняющейся и варьирующейся.

Диапазон форм мифотворчества и бытования мифов безгранично широк и на протяжении последних двух столетий (начиная с эпохи романтизма) основательно изучен. В XIX в. мифологические школы обращались главным образом к исторически ранним мифам, ученые же XX столетия активно вовлекли в сферу обсуждения и мифы Нового времени, в том числе современные. Главное же, мифология ныне осмыслена как надэпохальная универсалия. Таково учение К.Г. Юнга об архетипах, в свете которого мифология предстала как непреходяще значимая «проекция коллективного бессознательного», которое составляет «огромное духовное наследие» [6].

В тотально атеистический советский период увлечение мифологической доминантой фольклора, мягко говоря, не приветствовалось. Однако само это явление невозможно было устранить из духовной, культурной, художественной сферы, поэтому оно, несомненно, существовало и в официально допущенной советской

литературе именно на уровне художественных архетипов, зачастую «ассимилируюсь» и нивелируюсь другими формами фольклоризма.

Мифология (в особенности упрочившаяся на протяжении близких нам эпох) ценностно неоднозначна, что неотвратимо порождает споры о ее природе и общественной роли. Отношение мифологии к культуре как таковой, в частности к области познания и тому, что именуется разумом и истиной, понимается по-разному. Существуют два едва ли не полярных рода концепций. Первые – тотально критичны к мифу как общественно значимому явлению (они восходят к европейскому рационализму XVII–XVIII вв.). В этом же русле находится антимифологизм советского периода. Вторые, напротив, акцентируют позитивную значимость мифологии. Такова традиция романтической философии и эстетики.

Яркий образец последовательного отвержения мифологизированного сознания – книга Р. Барта «Мифологии» (1957), где мифы характеризуются как «лжеочевидности», содержащие «идеологический обман», во власть которого невольно попадают люди, как только они берутся рассуждать и обобщать. Цель мифов, считает автор, – это «обездвижение» мира, его омертвление: миф навязывает обществу представление о реальности как извечно гармоничной, тем самым ее опрокидывая и опустошая [7]. Как видим, Барт понимает мифологию как фатально искажающую и обедняющую жизненную конкретику.

Аналогичным образом трактуется мифологизированное сознание в семиотическо-культурологических трудах Ю.М. Лотмана, ориентированных, по словам самого ученого, на научную традицию Аристотеля и Декарта. Здесь миф выводится за рамки культуры: противопоставляются одно другому пространства культурное (рационально-логическая сфера) и мифологическое (иррациональное)[8] (близкой позиции придерживается С.С.Аверинцев). Совсем иначе судят о мифологии, рассматривая ее как уникальную культурную ценность, такие мыслители, как Г.Г. Гадамер и Д.С. Лихачев. В статье Гадамера «Миф и разум» (1954) говорится, что научная и мифологическая картины мира не антагонисты, что «у мифа и разума общая, одинаковыми законами движимая история» и что они по сути дружелюбны и взаимодополняющи: «Миф не надо осмеивать как обман священников или бабы рассказы, а услышать в нем голос <...> мудрого прошлого». «Мифические чары», отмечает философ, внерациональны, но мифы – это не произвольные фантазии, а носители собственных, венаучных истин, которые «формируют великие духовные и нравственные силы жизни» [9].

В том же русле – суждение Д.С. Лихачева о мифе как «упаковке данностей», которая является благом и ценностью, «ибо упрощает мир <...> и наше поведение в мире». Говорится даже, что без «мифологизации данности» последняя «не может быть воспринята». В то же время отмечается, что существуют мифы, искажающие реальность, а потому негативно значимые. Таково, например, представление о русской истории как средоточии извечной рабской покорности [10]. Тем самым констатируется ценностная неоднозначность мифологии:

бытующему в массовом сознании «туману мифов» противопоставляется достойная своего призвания мифология как необходимый и насыщенный феномен культуры, приближающий общество к истине.

Приведенные суждения о мифах как причастных познанию, мудрости, истине имеют весьма серьезные резоны. Вместе с тем высказывания Г.Г. Гадамера и, в особенности, Д.С. Лихачева, по мнению Е. Хализева, нуждаются в некоторой конкретизации. Он считает, что «упаковкой данностей» правомерно называть результаты любого освоения людьми окружающей реальности: не одно только мифологическое, но также непосредственно-жизненное и собственно научное. Повседневная практика и научная деятельность устремлены к тому, чтобы «упаковки данностей» были наиболее прозрачными, чтобы они содействовали видению и пониманию предмета (феномена) в его полноте, многообразии его свойств, в его неоднозначности. Про миф этого не скажешь: здесь преобладают схематизация объекта, его упрощение, придание ему однозначности. Как утверждал Ф.А. Степун, существуют две формы упрощения осваиваемого предмета: 1) упрощение его изложения, которое, характерно для верной себе науки, не желающей облекаться в тогу загадочной понятийно-терминологической каббалистики; 2) упрощение самого предмета изложения. Последнее и характерно для мифа, который не желает видеть оттенки и нюансы обозначаемого, его сложность, тем более – противоречивость. Схематизируя реальность, миф оказывается подобием синекдохи (часть мыслится и «подается» как целое), нередко помножаемой на гиперболу (подвергнутый мифологизации объект предстает укрупненно, броско, как бы плакатно). Именно этими чертами в близкие нам эпохи обладают «непрозрачные» мифологические «упаковки» объектов. Мифы содержат в себе и знание о предметах, феноменах, сущностях, т.е. истину (пусть и неполную), и односторонность понимания реальности, всяческие искажения и заблуждения. В мифологии, говоря иначе, истина интуитивных прозрений сочетается с рациональной недостаточностью.

Слагающаяся из мифов ценностно разнокачественных, мифология как целое побуждает отнестись к ней уважительно и бережно, а в то же время и критически. Фольклор уходит корнями в неопределенно далекие времена. Он составляет первоисток культуры человечества – феномен, из которого со временем возникали все ее формы. Первая стадия народного творчества – это архаические родоплеменные мифы. Доминирующее их свойство – безудержность коллективного вымысла (фантазии), нередко кажущаяся современному человеку не просто данью наивности, но и чем-то нелепым, абсурдным. Однако нашими далекими предками плоды подобного вымысла принимались за непререкаемую и полную истину.

Архаические мифы – это предкультурный феномен: они были единственной формой сознания человеческих сообществ в пору, когда не существовало ни религии как таковой, ни искусства, ни (тем более) науки и философии. И мифология (в соединении с ритуалом) выступала как сила, организующая, цементирующая поведение и

сознание отдельных людей и их сообществ. Преобладающая форма архаической мифологии – олицетворение (одухотворение, очеловечивание) явлений природы [11].

Примечания:

1. Даль В.И. Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1982. – Т.3.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976.
3. Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в 2 т. – М., 1989. – Т.2. – С. 214, 323.
4. Элиаде М. Аспекты мифа. Пер. с фр. – М., 1995. – С. 142, 150.
5. Хализев Е. Теория литературы. – М., 2000. – С. 245.
6. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М., 1994. – С. 126.
7. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 46, 118.
8. Лотман Ю.М. Семиотика культуры // Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн, 1992. – Т 1. – С. 41.
9. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 97, 94, 98-99.
10. Лихачев Д.С. Без тумана ложных обобщений (вместо предисловия) // Там же. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 1996. – С. 547.
11. Веселовский А.Н. Миф и символ // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. – Л., 1979. – С. 189-190.